
Олеся УТКИНА

ГДЕ ЛЮБИМЫЕ СТАЛИ ЛЮБИМЫМИ

* * *

А ты пахнешь, как честный
обессиливающий запах дождя и текучие
споры птиц в деревьях больших и
хранящих в грудях непоследний
заботливый скрип, ты — эхом
дурманящим в ставни.

А небо замолкает без птиц. Птицы
молчат без неба. И оглушившись
молчанием, вдрызг
шлепается комета,
чтобы услышать чье-то желание.
И кто-то выбьется из темноты

оконной рамы,
тревожно расплескав в листву свое:
«Эй, душа, как с тобою надо
говорить?»
молчание.
молчание.
скрипит.
а чтоб узнать, попросит займ.
и под большой процент услышав птиц, проунисоня в скрип,
пощупав ставни —
верну потом, потом. и после
что ни случится, просто

знай:
я с тобой в глазах запечатленным
теперь шляюсь по окраинам Вселенной
и рассказываю звездам про любовь.

* * *

Набережная на самом деле
не имеет никакого отношения к берегу. Набережная —

Олеся Леонидовна Уткина родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. М. Горького в 2022 году Вестминстерский университет в 2017-м. Аспирантка ЛИ им. М. Горького, член Союза писателей XXI века. Публикации: «Зинзивер», «Кольцо А».

это там, где бережно, нежно,
там, где направленность действия
к ближнему:
— посиди со мной, Господи,
посиди.
Это длинные сны,
где любимые стали любимыми:
эти твои пути,
такие прямые, гордые, львиные,
как губы, прижавшиеся к рукам, как руки, разгладившие кулак.
— посмотри, что мы натворили,
Боже мой, посидим с тобой на бордюре
и прыгнем в небо, зажмурив глаза:
— раз, два,
не влюблюсь,
пять, шесть,
не влюблюсь,
семь, восемь...
— да не бойся,
это же я.

* * *

Какой закат из твоего окна?
Только честно.
Может быть, пополам, может быть, одному. Видишь,
там тянется песня.
Нами играет
тоненько-тоненько так.
Там скрипач, зеленая голова,
да он попросту пьян.
Надтреснутый звон колокольчика.

Я стою на крыльце, сигарета чернеет
в мягком объятии пальцев.
Мне очень страшно
остаться
под небом, где мерцают
созвездия, как мерцает вода
там (два переулка вниз и налево —
набережная). Мне страшно остаться,
очень,
прогони же меня наконец
в отзеленевшую осень, в музыку,
что с небес,
улыбаясь, скрипач высылает: звуки —
просто стайка неместных птиц,
но если уйду,
ты вложишь им в лапы письмо с просьбой «вернись».

* * *

Ну что еще сказать? Я мир не знаю, я говорю на устаревшем языке, неактуальном, выцветшем, закукленном в себе, я самое, частица, отчаянно желавшая вернуться, забывшая во времени возвратность. Мир все еще стоит на том столпе, что эллины, спеша, собрали, давно осознавая: вот-вот планета повернется, и нас не станет. И потому они живое, дышащее тело, расправившее плечи. И молча улыбаются, на слух поняв наречие, наивный лепет «я, бы, мы», что выронили дети — и это шлейф большой любви. Земля — подстрочник неба и ребенок, который жадно слушал мамины стихи, нашептанные в ухо, и может их теперь все наизусть произнести: весна вернется, вернутся словари, и фонари над Темзой, и разные синьоры, и дожди, каждый раз произведенные по новой.

* * *

Лето поднимается по самое вот сюда,
Как дорога в деревне до скошенного годами, погодами дома.
Как старики, встречающие на крыльце тебя, только тебя,
И каждый камень — острие
в босые ноги.

Между острями — тоже внуки
и память
кого-то и когда-то,
где не мы.
А на деревья взглянешь,
и ударит
в самое вот сюда.

И не вставай. Какая чушь.
Тут ни к чему любовь,
но все деревья наши
брошенные дети —
ну, значит, что? ну, значит,
я вернусь,
а ты бредешь
босым по лету
в самое сюда
вот.

* * *

Клен до кончиков листьев — весь выпрямляется к оклику
Божьему, — и галок, тянущих макушки, и опыт стихов, на русскую

почву наложенный, и красные брови домов,
в закате уснувших,
и медленный шаг по хрустящим соцветьям березы, и душу,
щемящую заревом, — заново хочу подарить все тебе, заживо, —
засветло приезжаю и все еще жду, надо же —
ты та самая часть — та, что незваная —
люблена, рыдана, молена, воздана,
шепни через ветер, что еще свидимся — коротко, боязно
всесильностью своего голоса — мать божия, что за мелочь —
просто колебание воздуха.
Разлука — прекращение счета —
до чего же мы дожили:
досуха, гибельно, адово —
где же рука твоя, та, что вела меня
через тьму, палитру наскоро вмешанной? — одна она встречала меня
без одежды, рисовала лицо мне, смеялась, впускала, твоя рука
выводила, ласкала,
била, пытала, звала,
отгадала меня в синеве московских кварталов,
объяснила,
обратила нутро иностранца с точностью ювелира
в нежное сердце.
А сейчас
защемило, Господи, так, что некуда деться.

* * *

Закрываю уши штуками
выдуманнами, чтобы передавать
музыку
я не хочу: чужие языки слова голоса уличный гул скрежет
асфальтовый шин чьих-то машин — только музыку или язык,
на котором ты говоришь,
только слова, обнимаемые твоими губами,
имя твое — остановка падения,
только голос, смолистый и острый, ссекающий воздух,
как мое одиночество, в нем — мое одиночество.
Мама, там голос такой, что характер не удержать,
там такая свобода, победа,
что расступается свет,
что попросту ад
больше не может существовать:
реальность — сон, и я просыпаюсь сердцем.
Глаза, живые и бьющие,
длинные, темные,
и с ними, небо такое долгое,
и с ними солнце — случайный прохожий,
и я, плечом
его задев нечаянно, не обернусь.